

КСЕНИЯ МЯЛО

ВСЕГО 20 ЛЕТ — УЖЕ 20 ЛЕТ

На западном рубеже

Новый и на сей раз прямо противоположный тому, о котором говорит Б. Льюис применительно к эпохе русско-турецких войн конца XVIII столетия, “решительный перелом” на западе исторической России фактически, с разницей всего лишь в пару лет, совпал с утратой всех позиций, созданных нашей страной в Восточной Европе после Второй мировой войны. Что, видимо, в немалой мере и объясняет повышенную склонность ряда российских историков и политологов, не говоря уже о публицистах, объяснять и то, и другое одними и теми же причинами — точнее же, одной, словно бы вовсе и не требующей комментариев, причиной: давлением Запада. Причины другого, не внешнего, а внутреннего порядка до сих пор остаются за пределами внимания большинства пишущих на эту тему, так что тезис о невыносимом давлении Запада, будто бы и вынудившем Россию в мгновение ока и на всей протяжённости “дуги” отступить на западном рубеже, стал уже своего рода аксиомой. Между тем при более внимательном и непредвзятом рассмотрении всей картины событий того времени нетрудно заметить грубые, не выдерживающие никакой проверки фактами изъяны подобного суждения по аналогии. Да и о самой аналогии в данном случае можно говорить лишь достаточно условно.

В том, что Запад будет “давить” по вопросу о Восточной Европе, и давить тем сильнее, чем податливее будет вести себя СССР, не было ничего неожиданного: ведь буквально с 1945 года вопрос о “преодолении Ялты и Потсдама”, открыто ставился нашими недавними союзниками по антигитлеровской коалиции. Исключением не был, вопреки довольно широко распространённому у нас заблуждению, и Рузвельт. Так, например, автор фундаментального труда “Циклы американской истории” Артур Шлезингер-младший ещё в середине 80-х годов минувшего века, то есть тогда, когда крушение СССР, во всяком случае, в обозримом будущем, представлялось чем-то фантастическим и немыслимым, писал: “Рузвельт считал, что ни одна администрация не смогла бы удержаться у власти, если бы она не попыталась сделать всё, исключая военные действия, чтобы спасти Восточную Европу. А это был величайший американский политик нашего столетия” (М., Прогресс, 1992, с. 261).

Стоит добавить: и, вероятно, наименее враждебный СССР. Однако и он не мог, да вряд ли и хотел выйти за пределы общих для всех администраций

Окончание. Начало в № 1 за 2012 год.

США целей глобальной американской стратегии, в русле которой находилась сама задача “преодоления Ялты”. А потому неудивительно, что, как вспоминает сенатор Вандерберг, по поручению Рузвельта, затем Трумэна занимавшийся разработкой концепции ООН, именно Рузвельт, примерно за месяц до своей кончины, настоятельно подчёркивал: “Наша главная задача в будущем – аннулировать ялтинские соглашения” (“Политический журнал”, 3 мая 2005 г.). Направляющая ось поведения Запада в вопросе о Восточной Европе, его стратегическая цель, таким образом, были выработаны тотчас же по окончании Второй мировой войны; тогда же начались тщательные и многосторонние разработки тактики и технологий её реализации, т. е. соответствующего интересам Запада разрешения вопроса о *наследии Ялты и Потсдама*.

Разумеется, сами эти технологии, в особенности в том, что касалось информационно–психологической войны, могли также использоваться – и использовались – для раскачивания ситуации в республиках СССР. Однако вплоть до прихода к власти Горбачёва цель разрушения Советского Союза не ставилась в плане практической политики – по крайней мере, в обозримой перспективе. И даже с его приходом в 1985 году вовсе не была сразу и открыто обозначена как таковая. Все прекрасно понимали, что одно дело отдавать дань привычной риторике обличений “русского империализма” и даже решаться на такие шаги, как принятие в 1959 году Конгрессом США Закона о порабождённых народах (№ 86–90), к числу которых были отнесены все (за исключением русского) народы Восточной Европы и СССР. Но совсем другое – реально поставить под вопрос суверенитет и территориальную целостность ядерной сверхдержавы. И даже такой “ястреб”, как З. Бжезинский, отнюдь не самый неосведомленный человек в закулисных тайнах холодной войны, в своём увидевшем свет как раз в 1985 году “Плане игры” (М., “Маргинес”, 1989) предостерегал Запад от попыток в новых, стремительно меняющихся условиях фундаментально изменить сложившееся положение, подчёркивая: “. . . В непосредственной связи с отказом от наследия Ялты Запад должен подтвердить свою приверженность Заключительному Акту Хельсинкской Конференции. Это принципиальная необходимость. . . Отказ от исторического наследия Ялты должен содержать подтверждение обязательства Запада сохранить мирные отношения с Востоком, поддерживая существующий территориальный баланс и единую в международном масштабе интерпретацию обязательных понятий свободы и прав человека” (цит. соч., с. 48).

Конечно, из истории хорошо помнилось и то, что “Москва добровольно ничего не отдаёт” (Бжезинский), и потому естественнее всего было предположить, из чего и исходил в ту пору, т. е. в начале перестройки, автор “Плана игры”, наступление в Европе, после “преодоления Ялты”, длительного периода нового баланса отношений между Западом и СССР. Несомненным представлялось также, что это новое сосуществование с СССР будет по-прежнему строиться вокруг проблемы предотвращения ядерной катастрофы и “ещё долго (курсив мой. – К. М.) балансировать на грани войны. Это Запад, – писал тогда один из главных идеологов холодной войны, – за счёт своих действий или их отсутствия, окончательно решит вопрос о том, превратится ли сосуществование со временем в более гармоничные отношения, чем сейчас, или закончится всемирной анархией” (там же, с. 22).

Произошло, однако, нечто третье – стремительная и никак не могущая быть объяснённой исключительно лишь давлением Запада самоликвидация страны. Факты истории этого времени неопровержимо свидетельствуют: в том, что касается территории собственно Советского Союза, Запад если и давил, то лишь по вопросу о республиках Прибалтики. Действительно, в ходе холодной войны вопрос об этих республиках ставился очень жёстко, притом в общей связи с проблемой Восточной Европы (свидетельством чему является, в частности, директива Совета национальной безопасности от 14 сентября 1949 года). Однако довольно скоро стало ясно, что осуществить амбициозные планы невозможно без превращения холодной войны в горячую. Решиться на это США не могли, даже ещё обладая ядерной монополией, за что их осыпали упрёками лидеры литовского подполья в своём обращении к папе Пию XII в середине того же 1949 года. А появление ядерного оружия у СССР вообще сняло такую возможность, хотя информационная и пропагандистская война на этом направлении продолжалась. Как, в той или иной форме, велась и деятельность по подготовке “пятой колонны” в прибалтийских республиках. (См.,

в частности: Емельянов Ю. Большая игра. Ставки сепаратистов и судьбы народов. М., “Молодая гвардия”. 1990. С. 227–228.)

Однако, подписав Заключение Акта совещания в Хельсинки, Запад, по сути дела, закрыл и этот вопрос, признав прибалтийские республики интегральной, не подлежащей отторжению частью СССР. И проявил Горбачёв на Мальте минимум необходимой твёрдости и указал он именно на “Хельсинки”, даже и в этом, самом сложном советском регионе события могли бы развиваться существенно иначе. Но на Мальте первый и последний президент СССР, не сумев или не захотев пресечь грубое вмешательство другой сверхдержавы во внутренние дела руководимой им страны, пообещал всего лишь неприменение силы – большего от него на том этапе ещё не потребовали. Что же до остальных союзных республик, то по отношению к ним вопрос в плоскости реальной политики вообще никогда не ставился так, как по отношению к Прибалтике. Что и подтвердила речь Дж. Буша-старшего, произнесённая им в августе 1991 года при посещении Киева. “Свобода и независимость, – заявил он тогда с явным намерением остудить горячие головы и внутри самого СССР, и за его пределами, – не одно и то же. Американцы не поддержат тех, кто стремится к независимости, чтобы заменить уходящую тиранию местным деспотизмом. Они не будут помогать тем, кто распространяет самоубийственный национализм, основанный на этнической ненависти”. (Цит по: З. Бжезинский. Ещё один шанс. Москва, МО, 2010, стр. 53.)

Внутрисоветский адресат этих слов был очевиден: быстро множащиеся в республиках грубые и отнюдь не чужающиеся насилия этнократические движения, кое-где уже взявшие в свои руки бразды правления. Скорее всего, был и собственный, внутриамериканский адресат: крайние силы в самих США, не преминувшие с ожесточением наброситься на речь президента как на “позорную уступку русским”. Советское руководство могло делать из этой речи Буша свои выводы – могло, но, на первый взгляд, не сделало, хотя само по себе то, что речь эта прозвучала в августе 1991 года, говорит о колебаниях Запада перед лицом теперь уже вполне вероятного распада СССР. Впрочем, сказать, что не сделало, можно, лишь подразумевая шаги, которых естественно было бы ожидать от государства, готового защищать неприкосновенность своего суверенитета и своих границ. Однако сегодня уже хорошо известно, в том числе и из собственных признаний тех, от кого в первую очередь зависело принятие соответствующих решений, что это отнюдь не было их первостепенной заботой. И потому определённые шаги советское руководство именно сделало, притом такие, которые спустя всего лишь несколько месяцев после августовской речи Буша побудили его самого круто изменить свою позицию.

Буквально в преддверии сыгравшего столь большую роль в окончательной судьбе Союза референдума 1 декабря 1991 года по вопросу о независимости Украины он выступил с беспрецедентным заявлением о том, что США могут рассмотреть вопрос о признании этой независимости, коль скоро таким окажется волеизъявление народа. Вряд ли можно сомневаться в том, что радикально новая позиция Вашингтона оказала своё влияние на итоги референдума. При этом нельзя было не заметить, что, в отличие от того, как ставился вопрос о Прибалтике на Мальте ещё год назад, резкое изменение позиции Буша в отношении Украины произошло без всяких предварительных обсуждений и согласований с советской стороной. А это заставляет думать, что противоположная сторона, оценив обстановку, сделала вывод: путь открыт, и теперь можно решиться ступить на недавно ещё казавшуюся абсолютно запретной территорию. Это значит, что в краткий промежуток времени между двумя выступлениями Буша произошло некое, исключительное по своему прецедентному значению, событие, которое и позволило сделать подобный вывод.

Таким событием, на мой взгляд, стало признание Москвой в *сентябре 1991 года*, т. е. ещё при живом, хотя и тяжело больном СССР, независимости трёх прибалтийских республик, административные границы которых тотчас же приобрели статус межгосударственных. Признанию этому не предшествовала никакая предварительная работа по обсуждению и согласованию спорных проблем, которых, однако, существовало множество – от территориальных до вопросов о правах человека. Все они оказались мгновенно если не полностью закрытыми, то, во всяком случае, не создающими препятствий к признанию. Что, естественно, не могло не вдохновить сепаратистские движения в других республиках. Ведь если всё могло произойти так легко и просто, с нарушени-

ем не только Конституции СССР, но и Устава ООН, и Хельсинкского Акта, то странно было бы всем остальным не воспользоваться этим для достижения желанной цели. Конечно, не мог такой шаг советского руководства не повлиять и на позицию Запада, вдруг обнаружившего, что Москва конца того самого столетия, в котором она и стала столицей сверхдержавы, теперь действительно готова многое отдать “добровольно”. А потому реакция последовала с той же неизбежностью, с какой жидкость из полного сосуда заполняет смежный с ней пустой. Москва обнаружила дефицит воли (если ограничиться только этой констатацией) — что ж, оставляемый ею вакуум, не мешкая, стала заполнять другая сверхдержава, изначально не страдавшая отсутствием имперской воли к экспансии. Именно это подчёркивает Дж. Шлезингер, когда пишет: “Соединённые Штаты — экспансионистская страна. За два столетия после принятия Конституции национальная территория США увеличилась более чем в четыре раза” (цит. соч., с. 187). И это — *врождённое* стремление, легшее в основание всей внешнеполитической доктрины Соединённых Штатов. Шлезингер напоминает: “К 1783 году Вашингтон уже назвал новорождённую республику “поднимающейся империей”, а Мэдисон говорил о “расширяющейся в своих пределах республике” как о “единой, великой, уважаемой и процветающей империи” (там же, с. 188). Периоды изоляционизма, обусловленные скорее недостатком технических средств для осуществления глобальных замыслов, нежели отсутствием последних, никого не должны вводить в заблуждение. И уже в конце XIX века госсекретарь США Джон Хэй прямо указал на лежащую в основе американской внешней политики “догматическую веру в то, что от настойчивой и постоянно усиливающейся экспансии за рубеж зависит *внутреннее* благополучие Америки” (там же).

Как видим, доктрина *Rex Americana*, “звёздный час” для которой наступил в конце истекшего столетия, не была искусственно создана методом гидропоники, но выросла на давно и усердно возделываемой почве заокеанской сверхдержавы. Иное дело — полнота её претворения в жизнь, зависящая от конкретных исторических условий, а также, не в последнюю очередь, силы встречаемого сопротивления. А эту силу историческая Россия продемонстрировала столько раз, что невозможно отрицать: именно те, кто руководил СССР после 1985 года, открыли путь вначале осторожному, а затем всё более уверенному вхождению интегрированного Запада во главе с Соединёнными Штатами в недавно ещё недоступное для него пространство. Вся хроника событий, при панорамном её обзоре, подтверждает это. Как подтверждает и то, что именно руководство Российской Федерации, провозгласившей себя правопреемницей СССР, в главном продолжило и даже усугубило стратегию “отступления до боя”. С учётом этого линия поведения Запада в отношении России была скорректирована очень быстро, и уже осенью 1991 года “Форин афферс” опубликовал статью З. Бжезинского, ещё шесть лет назад призывавшего Запад к сдержанности и осторожности в отношении СССР даже и после “преодоления Ялты”. Теперь акценты расставлялись им иначе.

Отметив “функциональную эквивалентность” капитуляции Германии в Компьене в 1918 году, Японии на борту линкора “Миссури” в 1945 году и СССР в холодной войне в истекающем 1991-м, он указал на необходимость “активной западной поддержки балтийско-черноморской зоны”, в целях утверждения западного же влияния на неё. Инструменты утверждения такого влияния, не конкретизируя продолжил Бжезинский, будут выбираться в зависимости от реальной ситуации. Однако было совершенно ясно, о чём идёт речь, и о том, каков именно окажется этот выбор, тогда без обиняков заявил бывший генсек НАТО Манфред Вёрнер, указавший на особое значение Альянса. А также — на необходимость его трансформации для того, чтобы он мог распространить своё влияние не только на страны бывшей Восточной Европы, но и на бывшие советские республики. Ничего неожиданного во всех этих заявлениях не было, что и позволило мне ещё в самом начале “нулевых” сделать вскоре оправдавшийся прогноз: “Неотвратимо приближается час вступления в Альянс бывших прибалтийских республик, что радикально ухудшит геостратегическую ситуацию на северо-западном рубеже нынешней РФ” (“Россия и последние войны XX века”. М. “Вече”, 2002, с. 154).

Я позволила себе это самоцитирование лишь для того, чтобы подчеркнуть: сделать такой прогноз было вовсе нетрудно, и логику развития событий не могли не видеть в руководстве РФ. А если оно не только не предпринима-

ло ничего, чтобы предотвратить их, но, именно для такого их хода создавало максимально благоприятствующую ситуацию, то это лишь подтверждает гипотезу если не о преднамеренной, то о пассивной и безвольной сдаче им исторических позиций России на Балто-Черноморской дуге. Как и то, что именно правопреемница СССР, Российская Федерация, зажгла зелёный свет продвижению НАТО на восток – всего лишь полтора года спустя после крушения Советского Союза, когда в августе 1993 года, в ходе официального визита президента Б. Ельцина в Варшаву, польский президент Лех Валенса заявил о желании Польши стать членом Альянса. Конечно, Валенса осторожно зондировал почву: ведь, будучи суверенным государством, Польша, казалось бы, имела полное право самостоятельно решать вопрос, не прибегая к предварительным согласованиям с Москвой. Однако советские войска ещё находились на её территории, равно как и в Восточной Германии, а потому разумным представлялось заранее проверить реакцию России. А она превзошла все, даже самые смелые ожидания: президент Ельцин публично заявил, что не считает такую перспективу противоречащей интересам России.

Месяц спустя советские войска покинули Польшу, однако и после этого американская администрация не торопила события, сосредоточившись на “широкой подготовке” к продвижению НАТО на Восток. “Не без лукавства, – отмечает Бжезинский, – именовавшейся “Партнёрством ради мира”, достоинство которого состояло в том, что оно делало расширение более вероятным, откладывая в то же время решение о его начале” (там же, с. 92). От России, стало быть, зависело – отвергнуть подобное “лукавое партнёрство” либо, прикинувшись, будто она на замечает не слишком-то и замаскированной дальней цели, принять его. Что она и сделала в мае 1997 года, подписав Основополагающий акт о взаимодействии между Россией и НАТО. И это – несмотря на то, что в конце 1996 года Билл Клинтон открыто заявил о намерении Соединённых Штатов расширять НАТО – разумеется, на Восток. Против чего, как следует из подписания Основополагающего акта, Россия, стало быть, не возражала. Однако из хроники событий хорошо видно, что американская сторона возражений и не ожидала и что, делая своё программное заявление, Клинтон, конечно же, “сверял часы” с позицией России. А последняя уже к концу 1995 года, формально осудив действия НАТО в Боснии, тем не менее, именно здесь, на территории подвергшейся прямой агрессии Югославии, сделала чрезвычайно важный шаг к “двусмысленному”, по выражению Бжезинского, установлению партнёрских связей с Альянсом. Так что Клинтон мог с полным основанием полагать, что резкой реакции со стороны РФ на его заявление не последует; её и не последовало, а подписание, в таком контексте, Основополагающего акта о сотрудничестве с НАТО, несомненно, воспринималось как знак согласия с заявленной американским президентом стратегией.

Выводы были сделаны оперативно, и в июле того же 1997 года, то есть *только после подписания Основополагающего акта*, Польша, Чехия и Венгрия получили официальные приглашения вступить в НАТО. Вслед за чем аналогичные приглашения вскоре были направлены Румынии, Болгарии и бывшим прибалтийским республикам СССР – такова объективная последовательность событий. Что до ставшего притчей во языцех Киева, особо излюбленной мишени официозных, и не только, обличений *пронатовских* склонностей партнёров России по СНГ, то стоит и здесь напомнить реальный ход определяющих событий. А он таков: *только 4 ноября 1998 года* президент Украины Л. Кучма подписал, в развитие Хартии об особом партнёрстве Украины и НАТО (Мадрид 1997), Указ “О государственной программе сотрудничества Украины с Организацией Североатлантического договора (НАТО) на период до 2001 года”. То есть – почти *полтора года спустя* после того, как решающий шаг, во многом определивший развитие событий, по крайней мере, на ближайшее десятилетие, был сделан именно Москвой. Киев же лишь последовал за ней. Позже тезис о необходимости расширения НАТО и ЕС как “ключевых международных структур безопасности в Европе” получит развёрнутое выражение в официальных посланиях президента Украины к Верховной Раде. При этом движение Украины к НАТО экспертами Национального института стратегических исследований тщательно сопоставляется с наращиванием сотрудничества самой России с Альянсом, которому даются весьма комплиментарные оценки (“Україна на шляху до НАТО. Через радикальні реформи до набуття членства”. Київ, Стіло, 2004).

Не забыто ни предоставление Москвой, после сентября 2001 года, воздушного коридора для американских самолётов, направляющихся в Афганистан, ни её заслуги в обеспечении поддержки американцам со стороны бывших советских республик Средней Азии, ни обошедшаяся в десятки миллионов долларов российская военно-техническая помощь “Северному альянсу”. Не забыто и создание действующего на постоянной основе Совета “Россия-НАТО”, ни открытие в Москве в том же 2001 году информационного центра НАТО. Особой же похвалы удостоилась сдержанность, проявленная РФ по вопросу о вступлении в НАТО бывших прибалтийских республик СССР, рубежное и, как надеялись, прецедентное значение которого в Киеве вполне понимали. В самом деле, как и в случае выхода их из Союза, вопрос решился на удивление легко и просто. И даже не без поощряющих жестов со стороны Москвы, где набирающий ход процесс подготовки стран Балтии к вступлению в Альянс отнюдь не был тайной. Так, в июле 1999 года литовский министр охраны края Чеславас Станкявичюс в интервью “Независимой газете” сообщил, что “Литва присоединится к НАТО в 2002 году”. Год спустя, выступая в Государственной Думе, первый заместитель министра иностранных дел РФ А. Авдеев признал, что Литва дальше всех из трёх бывших прибалтийских республик продвинулась на этом пути. А потому только как стремление создать атмосферу наибольшего благоприятствования можно расценить сделанные как раз в то же время шаги России к снятию существующих территориальных вопросов между нею и странами Балтии. Формальных препятствий к их вступлению в Альянс не оставалось, что и произошло в 2004 году на Стамбульском саммите НАТО. Тем самым вопрос о позициях России на северо-западной оконечности Балто-Черноморской дуги можно было считать закрытым.

Оставалось сходным образом закрыть его и на юго-западной её оконечности, предпосылки для чего тоже были созданы самой же Москвой, ещё в 1997 году сделавшей Украине поистине царский подарок. “Что дало Украине достижение компромисса между Россией и НАТО?” – задаются вопросом авторы “На шляху до НАТО...”. И сами же отвечают: “Самое важное – это то, что *при поддержке НАТО* Украине удалось заключить Договор о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве между Украиной и Российской Федерацией, в котором Россия на международно-правовом уровне признала территориальную целостность, независимость и нерушимость границ Украины” (“На шляху...”, с. 67. Курсив мой. – К. М.).

Действительно, именно это событие стало важнейшей вехой в судьбе юго-западной оконечности Балто-Черноморской дуги. И то, как именно распорядилась Россия этой судьбой, даёт решающий, окончательный ответ на вопрос, совершилось ли её отступление на западном рубеже под давлением превосходящих сил либо же по слабости её собственной воли – если только не по заведомо добровольному согласию с таким решением. Впрочем, будь то слабоволие или добровольность, это не меняет главного: того, что именно 1997 год можно считать рубежом, за которым в облике Российской Федерации становится всё труднее различить памятные черты той, исторической России, которая некогда так сильно запечатлела своё присутствие на юго-западе ушедшей в небытие империи.

* * *

Конец XVIII столетия, как уже говорилось, ознаменовался для России заключением двух мирных договоров, по итогам которых она “ногою твёрдой” стала теперь уже и при Чёрном море. По первому из них, Кючук-Кайнарджийскому (1774), прекращалась вассальная зависимость Крымского ханства от Турции и отменялись положения Белградского (1739 г.) договора, запрещавшие России держать флот на Чёрном и Азовском морях. Поэтому значение его переоценить невозможно. И сама Декларация от 28 декабря 1783 года, согласно которой Порты признавала вхождение Крыма в состав Российской империи, была его закономерным и неизбежным следствием. Однако береговая линия, полученная Россией по Кючук-Кайнарджийскому договору, даже и после присоединения Крыма всё ещё оставалась ограниченной и прерывистой, и только Ясский мирный договор (20 декабря 1791 / 9 января 1792), заключённый по итогам русско-турецкой войны 1787–1791 гг., коренным образом изме-

нил ситуацию в Северном Причерноморье. Он не только подтвердил действенность Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. и Георгиевского трактата 1783 г. (в чём, стоит заметить, уже тогда нашла выражение тесная связь событий на юго-западной оконечности Балто-Черноморской дуги с тем, что происходило на Кавказе), не только обязал “Блистательную Порту Оттоманскую”, как значится в тексте договора, впредь не допускать нападений на Грузию и Кубанские земли, что уже само по себе было немало. Но главное – по нему к России отходила территория, расположенная между Южным Бугом и Днестром, и, таким образом, вплоть до устья Днестра протягивалась русско-турецкая граница между устьями Днепра и Кубани. Тем самым завершалось строительство нового обширного края, для которого Екатерина II ещё в 1764 году выбрала имя: Новороссия.

Первоначально Новороссийская губерния вместе с Азовской была частью Екатеринославского наместничества; но со второй половины 1790-х гг. она являет собою уже самостоятельное и гораздо более крупное целое, включавшее в себя также Таврическую область и только что обретенные земли между Южным Бугом и Днестром. Выражая, таким образом, на языке административно-территориального деления, общую для всех её частей глубокую историческую, стратегическую и экономическую связь этого региона с Чёрным морем. Как видим, хотя слово *геополитика* ещё не было в таком ходу, как сейчас, Россия уже в ту пору умела мыслить и действовать системно.

Вплоть до своего упразднения Новороссия и впрямь являла собою не механическое и произвольное сложение территорий, но обладала подлинной целостностью, имела свой особый облик, не позволявший вполне отождествить её ни с Малороссией (Украиной), ни с Великороссией (Московской Русью, на которую позже было распространено общее имя Россия). Нет, это была именно Новороссия, где безусловное преобладание восточнославянского населения, православия и общерусской культурной ориентации, в сочетании с пёстрым составом этнических меньшинств и особым, не тождественным “московитскому”, прошлым позволяло ей быть не только стратегическим, но и культурным *предпольем* собственно России, сетью живых, органических связей соединяя её с соседними странами и народами, и прежде всего – с Балканами. Этот свой характер она, несмотря на грубую её ликвидацию и расчленение после 1917 г., в основных чертах сохраняла и на протяжении всего советского периода. А потому распад Союза не мог не ударить по ней гораздо сильнее, нежели по народам Прибалтики или Средней Азии.

И то, как именно происходило выталкивание, а честнее сказать – выбрасывание именно этой части населения исторической России за пределы страны, которую оно продолжало считать своей Родиной, не так уж трудно, в отличие от версии “русско-националистического заговора” против кавказских и среднеазиатских народов, проследить и по хронике событий, и по документам. Являющим яркую картину недюжинного усердия, проявленного Российской Федерацией новой в том, чтобы любой ценой, не считаясь ни с нормами права, ни с огромными геополитическими потерями, отбросить от себя то, что ещё оставалось от Новороссии как носительницы особого духа и особой исторической памяти. Особенно болезненным оказался этот удар на землях, с переходом которых под российскую корону Новороссия как раз и обрела свои законченные очертания.

Здесь, на юго-западе Балто-Черноморской дуги, в отличие от того, что имело место на её северо-западе, в Прибалтике, где немалая, если не большая часть автохтонного населения действительно стремилась к *выходу* из СССР, очень быстро и прямо заявила о себе – по крайней мере, в Крыму и Приднестровье – воля большинства населения именно к *сохранению* своего единства с Россией. Какие бы новые формы оно ни приняло. Москва, стало быть, была избавлена на этих территориях от того тягостного выбора, перед которым она стояла в Прибалтике, и ей лишь оставалось, в полном соответствии с нормами демократии, поддержать и легитимировать эту волю. Однако и в Крыму, и на Днестре она вновь предпочла отступить, в очередной раз пренебрегши и действовавшей до декабря 1991 г. Конституцией СССР, и двухсотлетней цепью международных договоров и соглашений – от Кючук-Кайнарджийского мирного договора до Заключительного Акта совещания в Хельсинки. И с высокой степенью наглядности природа *новой* России как последовательно отступающей страны обнаружила себя в позиции, занятой ею по вопросу о

Крыме и, особенно, Севастополе. Что если и требует комментария, то самого краткого: ведь геополитическое значение полуострова таково, что ещё с древности переход его от одного суверена к другому всегда знаменовал резкое изменение баланса сил между претендующими на первые роли державами. Всегда свидетельствовал о закате одних и восхождении других. В самом же Крыму сжатым до столь же краткой, сколь и ёмкой формулы выражением этой его роли в Черноморском, а опосредованно, конечно, и в Средиземноморском регионе стал Севастополь.

“Природа, — писал адмирал Калинин тогда, когда многим ещё представлялась совершенно абсурдной сама мысль о возможности *добровольного* отказа России от Севастополя, — распорядилась так, что Севастополь занимает доминирующее положение в Чёрном море, нависая над угрожаемым направлением вторжения — проливом Босфор. Более того, все основные направления равноудалены от Севастополя, и силы, базируясь здесь, могут дерзать под контролем весь регион” (“Советская Россия”, 25 апреля 1995 г.). Русское правительство очень быстро оценило это совершенно особое положение Севастополя, и спустя всего лишь неполных 20 лет после его основания, 23 февраля 1804 г, ему был придан особый же статус. “Назначив в Севастополе быть главным военному порту, — гласил подписанный Александром I Указ Правительствующему Сенату, — повелеваем там торговую Таможню снять, которой действие имеет кончиться в течение шести месяцев считая от сего дня. По прошествии же того срока, само по себе разумеется, купеческим кораблям вход туда не будет дозволен, разве когда от шторма или ради других внезапных случаев такой корабль зайдёт в порт для починки или для спасения, а не для торга, и, коль скоро опасность или починка, оный не должен оставаться” (цит. по: С. Горбачёв, Севастополь в третьей обороне. 1991–199...” Приложение к газете “Российская община Севастополя”. № 13 (56). Август 1997 года).

Именно в этом своём качестве главного военного порта Севастополь менее чем за столетие приобрёл совершенно исключительное значение не только *военной крепости*, но и *скрепы* общенационального сознания. Города-символа, олицетворяющего самую чистую и жертвенную героику, высоты духа, которые побуждали каждого, кто ощущал свою причастность к судьбам России, словно бы приподниматься над самим собой. Никто не сказал об этом лучше Льва Толстого: “Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникло в душу ваше чувство какого-то мужества, гордости и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах”.

Утрата Севастополя, и даже не просто утрата, но именно добровольная сдача его (“Мы не раз Севастополь теряли, / Но впервые вот так, не в бою”, по точному и горькому выражению поэта Виктора Верстакова) означала, стало быть, утрату не только важных стратегических позиций в регионе, которому, судя уже по началу XXI века, предстоит играть роль ничуть не меньшую, нежели в минувшем столетии. Она наносила также сильнейший удар по самим основаниям русской исторической памяти, а потому следовало с несомненностью ожидать, что вопрос Крыме и Севастополе сразу же после распада СССР выдвинется на первый план. Так и произошло. И хотя общественная реакция на вполне реальную перспективу утраты Россией каких-либо прав на них оказалась несоразмерно малой их значению и гораздо более вялой, нежели можно было ожидать, она всё-таки была и не осталась не замеченной на властном уровне. К чести прекратившего своё существование в октябре 1993 г. Верховного Совета РФ, всего лишь полгода спустя после Беловежских соглашений им было принято Постановление “О правовой оценке решений высших органов государственной власти РСФСР по изменению статуса Крыма, принятых в 1954 г.”. Оно фиксировало нарушения действовавшего на тот момент законодательства и, соответственно, предлагало инициировать российско-украинские переговоры по новому урегулированию вопроса. А Постановление, принятое 9 июля 1993 г., подтверждало российский федеральный статус города-героя, исходя из того, что при передаче Крыма УССР он остался в союзном подчинении.

После кровавых событий октября 1993 г. действенность обоих этих Постановлений была подтверждена президентом РФ Б. Ельциным, однако в дальнейшей судьбе самой южной оконечности Балто-Черноморской дуги факт этот не возымел никакого значения. Равно как никакого отклика не последовало из

России на решение Севастопольского Городского совета, который, опираясь на волю избирателей, выраженную в ходе опроса 23 августа 1994 года, подтвердил российский статус Севастополя. Верховный Совет Крыма согласился с волеизъявлением севастопольцев, но Москву всё это несколько не заинтересовало: у неё на первом месте теперь были другие планы, в которых российскому Севастополю места вообще не было по определению.

Ведь в ту пору, притом синхронно, уже разворачивалась работа по подготовке российского партнёрства с НАТО и столь высоко оценённого украинскими экспертами подарка Киеву – широкомасштабного Договора о дружбе и сотрудничестве с Украиной, теперь навсегда закреплявшего статус Крыма и Севастополя таким, каким он сложился после 1954 г. 31 мая 1997 г. при подписании его, т. е. буквально через несколько дней после подписания основополагающего Акта “Россия-НАТО”, вопрос о них был окончательно закрыт. Значение того, что совершилось, прекрасно поняли и оценили не только на Украине, но и на Западе. Где, хотя там и не было недостатка в рутинной риторике по поводу неумных притязаний “русского империализма”, прекрасно понимали зыбкость украинских прав на Крым и тем более Севастополь, целиком основанных на крепостническом акте дарения 1954 г. Стоит напомнить, что даже и согласно Универсалу Центральной Рады от 8 ноября 1917 г., подписанному С. Петлюрой, в перечне земель провозгласившей свою независимость Украины особым шрифтом была выделена *Таврия без Крыма*. Иными словами, на Крым не претендовали даже и украинские националисты той поры, хоть сколько-нибудь соотносившие историческое будущее Украины с её прошлым.

Теперь же, после 31 мая 1997 г. в истории Крыма, Чёрного моря и самой России открывалась совершенно новая страница.

Что и было отмечено в начале июля того же года (напоминаю, в июле же Киев подпишет Хартию об особых отношениях с НАТО) на встрече главы Севастопольской администрации с послом США в Украине Уильямом Миллером. Стороны особо подчеркнули, что встреча происходит в новых условиях, сложившихся после подписания российско-украинского договора. И что в этих новых условиях у Севастополя появилось больше возможностей для реализации его экономического и культурного потенциала. Г-н Миллер даже предложил развивать в Севастополе водный туризм (словно бы одна из лучших в мире природных гаваней была создана именно для этого) и озаботился восстановлением исторических памятников, к которым быстро утрачивала интерес сама Россия. О каких памятниках пойдёт речь теперь, можно было строить догадки. Ведь уже в октябре 1995 г., когда в Севастополе проходило выездное заседание Международного трейд-клуба (Указ Александра I о “купеческих кораблях” тоже становился реликтом уходящей эпохи), английский посол в Киеве, Саймон Хемонс, при посещении памятника воинам антироссийской коалиции времён Крымской войны назвал Севастополь “страницей британской истории”.

Но, конечно, всё это – и водный туризм, и культурно-историческая программа – было лишь закуской, роль же основного блюда предназначалась намеченным на конец августа манёврам “Си Бриз-97”, с участием стран НАТО и Украины. Манёвры эти, в которых первую скрипку играл, разумеется, Альянс, стали первой акцией такого рода, невозможной ещё даже в последние годы жизни уже сильно ослабленного горбачёвской политикой односторонних уступок СССР. Что придало им характер нескрываемого триумфа.

Уже в июне-июле 1997 года у берегов Болгарии прошли крупные учения НАТО “Кооператив – партнёр 97”, с участием 30 кораблей и авиации из 9 стран. Значение их кратко и выразительно определил тогда один из немецких флотских офицеров: “Пятьдесят лет Чёрное море было закрыто для нас”. В самих этих словах отчётливо ощущается привкус “пост-Ялты”, но тем полнее заявляло о себе торжество нового миропорядка, когда недавно ещё “закрытое” море открывалось теперь и у берегов Крыма. И под этим углом зрения значение “Си Бриз-97” переоценить невозможно. Об исключительном символическом значении события говорил даже сам выбор места предполагаемой высадки натовского десанта: под Евпаторией – там же, где в 1854 году высадился десант европейско-турецкой коалиции.

Между тем, в Москве о предполагаемых манёврах было известно ещё до подписания Большого Договора, и, например, газета “Правда” писала об этом 29 мая 1997 года, т. е. практически накануне порубежной даты*. А пото-

му вновь и вновь приходится задаваться вопросом: впрямь ли Россию, как нередко до сих пор утверждают многие политологи и публицисты, вытесняли из её исторического пространства, либо же она сама покидала его? Не только не предпринимая на государственном уровне хотя бы слабых попыток противодействия, но и гася поднимающийся снизу импульс гражданского сопротивления. Которое, будучи поддержано на уровне государственных возможностей, т. е. получив статус выражения воистину общенациональной воли России, открыло бы путь к решению столь важного вопроса, вовсе не прибегая к военным действиям, но апеллируя лишь к истории и праву.

Именно это и показала в 1997 году масштабная акция протеста “Крым-антиНАТО”, собравшая сотни тысяч людей. Только она не позволила осуществиться сценарию буквального повторения 1854 года, потому что под её давлением сухопутная часть манёвров была перенесена под Николаев. Здесь “Широкий лан” (кодовое название операции) плавно перетёк в “Казакскую степь”, что означало выход НАТО в Северное Причерноморье, то есть – на “Континент”, который и географически, и геополитически связывало с Мировым океаном именно Чёрное море, этот его рукав, далеко вдающийся вглубь Евразии.

Это на уровне лихой публицистики можно было с пренебрежением отзывать о “черноморской луже” (так!), в которой-де только и барахтаться “незалежным украинцам”, а России, мол, требуются океанские просторы (“Завтра”. Январь 2006 года). Тем же, кто всерьёз, преследуя свои крупные и дальние цели, занимался реформативированием постялтинского мира, было ясно, что без закрепления на Чёрном море невозможно будет говорить и о восхождении “земноводной мощи” (Х. Маккиндер) Америки на новую ступень. Стоит напомнить, что на уровень долгосрочной стратегии США задачи их закрепления не только на Океане, но и на Континенте была сформулирована ещё во второй половине XIX века адмиралом А. Мэхеном. Применительно же к новым условиям та же задача в середине 90-годов XX века была актуализована и конкретизирована Струбом Тэлботтом, помощником Билла Клинтона, пришедшего на смену Бушу-старшему. Именно Тэлботт первым открыто заявил о намерении США “дотянуть” НАТО до Великого Шёлкового пути, и в свете такого проекта само название вот уже полвека существовавшего Альянса (Североатлантический) явно переставало соответствовать масштабам новых стратегических замыслов. Руководство РФ, делая один за другим решительные шаги к тесному сотрудничеству с НАТО, конечно же, не могло не понимать, в какой мере такие замыслы неизбежно затронут собственные российские интересы на постсоветском пространстве. И в какой мере их реализации будет способствовать сдача Россией её исторических позиций на Чёрном море и в Причерноморье.

После 31 мая 1997 года открылись новые перспективы, и железо ковалось быстро: тогда же, в столь богатом событиями 1997 году, черноморские манёвры НАТО получили симметричное продолжение в предгорьях Тянь-Шаня, где прошли совместные с Узбекистаном и Казахстаном учения “Центразбат-97”. К ним, на весьма двусмысленных основаниях, присоединилась и РФ, для которой стоимость израсходованного на перелёты керосина, продпайков и амортизации боевой техники оплатил Пентагон. Было ли это платой (впрочем, не слишком обременительной) за полученную возможность расширения американской “земноводной мощи” и вхождение натовских легионов (именно это слово, упиваясь римскими аналогиями, употребляет З. Бжезинский в “Великой шахматной доске”) в безграничные континентальные просторы?

В любом случае, участие России в манёврах “Центразбат-97” было сотрудничеством с НАТО, и нельзя не признать, что командующий ВМС Украины Михаил Ежель, в декабре 2002 года отвечая на вопросы корреспондента “Независимой газеты” и его попытки укорить Украину её сотрудничеством с НАТО, в особенности же её участием в приобретших уже рутинный характер манёврах “Си Бриз”, имел все основания возразить: “...Но и Россия очень тесно сотрудничает с НАТО. Причём даже более плотно – в той же программе “Партнёрство во имя мира”...” Частью которой, напомнил Ежель, являются и ре-

* Что, к сожалению, никак не сказалось на позиции КПРОФ, выступившей тогда одной из самых ярых его сторонниц и даже не попытавшейся, при обсуждении Договора в Госдуме, внести некоторые, хотя бы смягчающие его последствия поправки. А они предлагались – например, прекращение действия Договора в случае вступления Украины в НАТО и, как следствие, возвращение вопроса о Крыме и Севастополе на стол переговоров.

гулярные манёвры “Си Бриз”, а в них, подчеркнул он, участвует и Черноморский флот Российской Федерации. Отрицать это было невозможно, а “Центразбат-97”, с не слишком почётным участием в этих манёврах России, несомненно, можно считать одной из важнейших вех на пройденном Россией пути к такому сотрудничеству.

Это был подлинный триумф НАТО, и генерал Шихан, первым приземлившийся неподалёку от Чимкента, имел все основания заявить: “мы” (т. е. американцы, совершившие перелёт из Северной Каролины с тремя дозаправками в воздухе) доказали, что способны в кратчайшие сроки достичь любой точки земного шара. Спорить с этим, особенно в свете событий, уже ознаменовавших начало нового века, не приходится, однако, возвращаясь в конец века минувшего, можно добавить, что цепь манёвров, летом 1997 года протянувшаяся от Балтики (где, собственно, они и начались) через Чёрное море и Северное Причерноморье до Тянь-Шаня, показала, что северо-западная и юго-западная оконечности Балто-Черноморской дуги теперь ещё меньше, чем когда-либо, изолированы друг от друга. И что теперь, с учётом преимуществ, даваемых новой техникой, а также “новых условий”, созданных исчезновением державы-соперницы, для Запада открываются новые же возможности связать, в режиме предельно сжатого времени, процессы, разворачивающиеся по её бывшему западному рубежу, с потоком событий на южном рубеже — на Кавказе и в Центральной (бывшей Средней) Азии. Более того: через Чёрное море связать Средиземноморье, отнюдь не теряющее своего значения одного из главных узлов мировой истории, с Центральной Азией в единое стратегическое целое, подходящее к границам Китая.

Именно он, так мало замеченный российской общественностью 1997 год, отчётливо обозначил те перспективы, которым более полно развернуться предстояло уже в первом десятилетии нового века и нового тысячелетия. Это же десятилетие показало, что ситуация, сложившаяся на западном направлении к началу нового века и тысячелетия, была отнюдь не случайным результатом множества пусть и досадных или даже роковых ошибок и плохо продуманных действий, но более всего — сознательных решений. В целом оно подтвердило линию поведения, в главных чертах выработанную в пресловутые 90-е. И это поведение всё меньше поддаётся пониманию с точки зрения долгосрочных национально-государственных интересов, хотя бы подобие внутренней логики обретая лишь в контексте сиюминутных, конъюнктурных соображений, притом всё чаще клановых и групповых. Иными словами, стратегия Москвы (если, конечно, в данном случае уместно говорить о стратегии) мало изменилась со времён “Мальты”; что же до спорадических колебаний тактики, то они по-прежнему диктуются обстоятельствами политического торга с Западом, не предполагающего даже попыток пересмотра базовых позиций.

Что и подтвердило заявление В. Путина, сделанное им в апреле 2004 года во время его пребывания в Крыму. Так, когда был затронут болезненный вопрос о статусе русского языка, то российский президент расправился с ним одним махом, как Александр Македонский — с гордиевым узлом: “Не хочу больше распинаться на эту тему. Это внутреннее дело Украины. Рассчитываем на здравый смысл...” Что же до ещё более болезненного и острого вопроса о статусе Крыма и Севастополя, то и он был закрыт с той же оперативностью, притом с ловкой подменой одной проблемы совершенно другой: “Никаких препятствий со стороны России для того, чтобы поддержать исторический выбор украинского народа на (так в тексте. — **К. М.**) независимость, нет” (“Независимая газета”, 26 апреля 2004 года).

Но разве кто-нибудь из мало-мальски ответственных политологов или даже политиков посягал на права украинского народа или на его выбор? По крайней мере, я таких не знаю. Однако повернув тему подобным образом, Путин в действительности поставил под сомнение аналогичные права той части населения полуострова, с которой не сочли нужным посчитаться при распаде СССР и, к сожалению, как было ясно из самого факта этого политического жонглёрства президента РФ, не намерены считаться и впредь. Столь же очевиден был и адресат этой речи — не украинский и уж тем более не русский народ, а западные партнёры, которым таким образом посылался соответствующий сигнал. И в таком свете дежурную официальную риторику на тему расширения НАТО трудно воспринимать иначе, как всего лишь дымовую завесу,

прикрывающую неуклонное отступление на западном рубеже. Что, с учётом его исключительного значения во всей истории России, особого места некогда отгремевших здесь событий в ряду “святых воспоминаний”, воспетых ещё 15-летним Пушкиным, невозможно расценить иначе, как отказ и от “Воспоминаний в Царском Селе”. Как забвение блистательных имён, благоговейно поминавшихся “смуглым отроком”:

*О громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали...*

На протяжении всей своей творческой жизни Пушкин не раз возвращался к этому юношескому стихотворению, что говорит об осевом, принципиальном значении для него заявленной на заре жизни темы. Последняя редакция относится к 1829 году, и в ней ещё отчетливее проступил образ хранительного для России сонма её национальных героев, вне связи с которым нет исторической жизни народа. А великая тень Суворова вновь возникает под его пером в стихотворении, до сих пор возбуждающем бурю страстей. Там, где сегодня каждая строка бьёт мощным разрядом острейшей политической актуальности – и где вопрос о твёрдости выстаивания России на западном рубеже оборачивается вопросом о её конечной исторической судьбе. Так не подобает ли и нам теперь, когда “строй твердынь” откатился далеко на восток, вспомнить о Суворове? Тем более, что только что (будь то по старому или по новому стилю) миновавшее 220-летие заключения Ясского мира, столь много давшего России и так неразрывно связанного именно с его именем, вообще никак не было отмечено в стране – ни на государственном уровне, ни либеральной, ни даже патриотической печатью.

* * *

Какая судьба! Ведь 200-летие пришлось как раз на первые недели после гибели СССР, что придало этой дате особый, траурный оттенок. Но тогда, в суете нового обустройства обрубков исчезнувшей великой страны было совсем не до юбилейных дат, особенно же несущих на себе отпечаток предсудительного “великодержавного шовинизма”. Но вот и через 20 лет забвение, окутавшее тогда эту дату, не только не рассеялось, но даже ещё больше сгустилось, что особенно контрастно проступило на фоне шума и театральной пестроты, с которыми в истекшем году вспоминали об Итальянском походе, как особую заслугу русского полководца отметив, между прочим, спасение им “папского престола” от посягательств впавших в революционное безбожие французов (“Независимая газета”, 1 июня 2011 года). О том же, что по Ясскому миру Россия вернула себе земли, входившие ещё в состав Древнерусского государства, не вспомнил никто. Как и о том, что по его разрушении они продолжали жить русской жизнью, на протяжении почти шести веков сохраняя многие черты этой исчезнувшей славянской государственности (уже почти утраченные Москвой), не говоря уже о русском языке и православной вере.

Именно поэтому в 1791 году обитавшее здесь многоэтничное, но сложившееся на восточнославянской основе население вошло в состав Российской империи так, как входят в давно и не по своей воле покинутый, но не покинутый родной дом. В течение всех последующих, вплоть до распада ССР в декабре 1991 года, двухсот лет наполненных многим нелёгкими событиями, ни разу не обнаружив даже тени каких-либо намерений отделиться от “материнской земли” – России. Обо всём этом напоминает памятник великому полководцу на центральной площади столицы так до сих пор и не признанного, в том числе и Москвой, Приднестровья. Но ни один из руководителей постсоветской России не почтил его своим вниманием, как не сделал этого и патриарх Кирилл, в ходе своего недавнего пастырского визита на эту окраину бывшей империи миновавший Тирасполь, хотя посещение его предполагалось по предварительному плану поездки. Политически-конъюнктурный характер причин такого решения слишком очевиден для всякого, кто хоть сколько-нибудь

следил за развитием событий вокруг непризнанной республики в преддверии недавно состоявшихся в ней президентских выборов. Но не только приднестровская паства, с трепетом и надеждой ожидавшая предстателя РПЦ, оказалась обойдена его вниманием – не удостоился ведь почтительного поклона и Суворов. Цветы патриархом были возложены не к конной статуе в центре Тирасполя, а к памятнику молдавскому господарю Стефану Великому в Кишинёве, при обстоятельствах опять-таки довольно курьёзных, на которых впрочем, не вижу необходимости останавливаться здесь.

Зато тем важнее напомнить, хотя бы вкратце, о значении выхода русской армии на Днестр, так прочно позабытый Россией сегодня. Значение это почти сразу же нашло выражение в цепочке крепостей, заложенных А. В. Суворовым – как, стоит напомнить, им же в 1787 году было начато строительство первых укреплений будущего Севастополя. В 1792 году на Днестре, прямо напротив тогда ещё турецкой Бендер, была заложена крепость Средняя, вокруг которой и начал быстро складываться город, по тогдашней греческой моде нареченный Тирасполем (то есть Городом-на-Днестре). В следующем, 1793 году, на месте турецкой крепости Ени-Дунья (Новый Свет) была заложена другая русская крепость; под её прикрытием началось строительство порта и города, которому суждено было войти в историю под именем Одесса. А в 1796 году в Днестровском лимане, юго-западнее Одессы, появилась третья крепость, Хаджидерская, под защитой которой возникло поселение Овидиополь. Эта последняя из крепостей, заложенных Суворовым на новой границе России с Османской империей, прикрывала Одессу и протянувшуюся за ней береговую полосу с юго-запада, обеспечивая безопасность новорождённого торгового порта. А он, прикрываемый военным портом Севастополем с Чёрного моря и “суворовскими” крепостями на Днестре, мог теперь обеспечивать хозяйственно-экономическое развитие получившего завершение Новороссийского края.

Ныне от всего этого столь умело и мощно выстроенного целого помимо Севастополя остался только ещё один кусочек земли, так же всё ещё преданный России и точно так же имеющий все права ставить вопрос о новом определении своего статуса. И это, конечно, Приднестровье, несмотря на полное и окончательное разрушение Новороссии, сохраняющее немалое геополитическое значение. Оно и было отмечено в ходе дискуссии, состоявшейся в парламенте Румынии 15 ноября 2011 года, то есть тогда, когда РФ удесятерила своё давление на Тирасполь, с целью принудить его к реинтеграции в Молдову – в свой черёд, нескрываясь стремящуюся “реинтегрироваться” в Румынию. Один из выступавших напомнил: “Приднестровье было и остаётся территорией особого значения для Юго-Востока Европы и геополитического вектора в регионе” (ИА Регнум. www.ipmonitor.ru/news/russia). Но ведь территорией не меньшего значения оно исторически являлось и, казалось бы, должно было оставаться, особенно с учётом перспективы размещения в Румынии элементов системы ПРО, для Юго-Запада России. Однако сомнительно, чтобы руководство РФ осознавало это; в противном случае недюжинное упорство, проявляемое им в том, чтобы сломить Приднестровье, придётся считать уже не следствием недопонимания ситуации, но чем-то другим, для чего в русском языке давно существует вполне определённое имя.

Как бы то ни было, румынский парламент удостоил особой похвалы президента РФ Д. Медведева именно за его усердие в деле устранения с политической сцены “сурового промосковского лидера Игоря Смирнова”, подчеркнув: “Президент России по сути подтвердил, что нынешняя ситуация в Приднестровье и позиция Игоря Смирнова препятствуют реинтеграции”. “Промосковский лидер”, к слову сказать, предложивший Москве разместить на территории республики всё то, что она сочтёт нужным разместить в ответ на появление ПРО на правом (пока ещё только на правом!) берегу Прута, оказался ей неугоден – это ли не вершина политического абсурда! Тем не менее, как выразилась молдавская газета “Тимпул”, “Смирнов был “казнён” при помощи прессы”, – российской, разумеется. Соответственно, давление Запада на столь уступчивую Россию с целью принудить её к главному, то есть к изменению всего формата миротворческой операции на Днестре, усилилось; в награду же ей, как повелось ещё с горбачёвских времён, обещаются яркие фантики благосклонности “цивилизованного мира”. А как иначе можно истолковать оскорбительные, я думаю, для любой по-настоящему суверенной,

пусть и не претендующей на звание великой, страны намёки известного германского политика и политолога А. Рара, прозвучавшие ещё в конце 2010 года и, судя по дальнейшему развитию событий, и впрямь принятые во внимание российским руководством?

Коль скоро Москва, заявил тогда Рар в интервью “Независимой газете”, согласится скорректировать свою позицию на Днестре в указанном канцлером А. Меркель ещё летом того же года направлении, то есть согласится на изменение формата операции и на вывод своего очень немногочисленного воинского контингента из Приднестровья, то ей “будет продемонстрировано, что к ней прислушиваются, что с ней считаются”. Словом, за отступление на Днестре и за нарушение обязательств, некогда подтверждённых подписью главы государства, будет получена достойная награда. Вот только как далеко придётся отступать?

Вступление Болгарии и Румынии в НАТО (2004 год) уже резко изменило баланс сил во всём Черноморском регионе, приобретающем всё большую важность по мере того, как набирает силу и размах процесс устроения “пост-ялтинского” миропорядка и углубляется связанная с этим глобальная нестабильность. Украинский политолог С. Гриневицкий верно отметил эту связь, указав, что “Черноморский регион – часть большой дуги нестабильности, которая начинается на Балканах, идёт через Приднестровье, Крым, Кавказ, Турцию и заканчивается в Палестине” (“Дипломатический вестник Приднестровья” № 2, декабрь 2010, с. 75).

Нетрудно представить, какие последствия может возыметь в таком контексте полномасштабный выход Румынии (или Румынии в союзе с условно независимой, но прорумынски ориентированной Молдовой) на Днестр в случае, если Россия и впрямь решит окончательно распрощаться с наследием Суворова. А ведь нет никаких оснований считать такой вариант развития событий маловероятным – скорее наоборот. Но в этом случае не стоит надеяться, что все её попытки, пусть даже и предпринимаемые всерьёз, удержаться на южно-азиатском рубеже бывшего СССР будут иметь хотя бы ничтожные шансы на успех – глобальный характер стратега, выстраиваемых ныне сильными мира сего, слишком очевиден. Как вряд ли вызывает сомнения такой же характер возможного будущего ТВД. И в любом случае не вызывает сомнений то, что России в ближайшем будущем понадобятся надёжные союзники, которых она за минувшую четверть века растеряла без счёта. Понадобится опора прежде всего на те народы, которые действиями своими уже доказали, сколь дорога им память о совместно прожитой истории. Понадобится опора на те политические силы в странах СНГ, на тех лидеров, которые в качестве предварительного условия своего, так и быть, согласия на союзничество не выдвигают сразу же требований отказа от “имперских замашек” и “великодержавного шовинизма”, тем более же – не бросают в лицо России чудовищного слова “монстр” и не играют краплёной картой русофобии.

К сожалению, пока мы видим обратное, и разве не странно, что из всех руководителей бывших союзных республик самыми грубыми оскорблениями со стороны Москвы был осыпан один лишь, как раз самый безупречный в этом отношении, А. Лукашенко? Между тем нельзя вполне исключать того, что в перспективе это может бумерангом ударить – и очень больно – по самой России. Ведь и Лукашенко, которому я от всей души желаю долгих лет жизни, подобно всем людям, не вечен. А политическая жизнь лидеров не так уж и редко оказывается короче их биологической жизни. Между тем, сама Белоруссия ныне далеко не так однородна, как всё ещё кажется многим в России, Москва же, не остановившаяся даже перед тем, чтобы предложить Лукашенко, в тоне почти ультимативном, ликвидировать свою собственную страну, расчленив её на губернии, в немалой мере сумела здесь пошатнуть преобладавшие ещё не столь давно пророссийские настроения. И, заметим, такое интересное предложение из всех лидеров СНГ было сделано только ему одному – поневоле задумаешься о подлинных мотивах подобной избирательности. Видимо, задумываются и в Белоруссии, а какие последствия это может возыметь на западном рубеже, комментировать, полагаю, излишне.

Что до Крыма и Приднестровья, то и здесь ситуация не будет оставаться вечно неизменной. Растёт – да уже и выросло – новое поколение, которому требуются жизненные перспективы; и если Россия не способна предложить их, если она всем своим поведением показывает, сколь не нужен ей этот по-

куда ещё устремлённый в её сторону поток молодой энергии, то он тоже может изменить своё направление. А ведь ни в Средней Азии, ни в Закавказье, на мой взгляд, нет территорий, способных быть для России столь же надёжными опорными точками, как те, которыми она ещё располагает на западном направлении и которые третирует так небрежно. И, разумеется, совсем уж нет смысла говорить в этой связи о бывших прибалтийских республиках.

Так не пора ли нам взглянуть суровой правде в глаза и перестать тешить себя беспочвенными надеждами на скорое и чудодейственное возвращение СССР — потому что этого, мол, хотят все “вытолкнутые” из него народы. Эта ложь, может быть, и утешительная, но губительная, потому что в жертву ей безжалостно приносятся те, на кого ещё может опереться Россия — а стало быть, и возможности подлинного, а не фиктивного собирания народов. Что и говорить, такое собирание — жертвой на алтарь которого, и это главное, конечно, больше не могут быть историческая жизнь и достоинство русского народа, — потребует тяжёлой и скрупулёзной работы, поиска решений на каждой территории и диалогов, не исключено, что очень острых, с теми, кто уже не будет сливаться в безликую массу под названием “все”. Да, это будет трудно, но, думается, это всё же лучше и спасительнее не желающего знать о жестокой реальности благодушия, откуда путь ведёт лишь в тупик изнуряющих и бесплодных галлюцинаций.